

Цинь Юй вместе с врачами и медсестрами проводил дедушку в операционную. Ши Чу взглянул на его удаляющуюся спину, затем повернулся к матери Циня, у которой глаза были красными от слез. Раньше, перед дедушкой, он старался говорить так, чтобы успокоить старика, но перед матерью Циня он не мог произнести те же слова, поэтому лишь опустил голову.

— Ничего, это моя обязанность.

— В молодости дедушка служил в армии, и здоровье у него всегда было отменным. Пару лет назад, когда он рыбачил, его затянуло в воду большой рыбой. Не знаю, связано ли это, но с тех пор он стал часто болеть. В прошлом году он тяжело заболел, побывал на пороге смерти, но потом выздоровел, и мы все очень обрадовались. Но в этом году снова... Ах...

— Дедушка уже однажды справился, и на этот раз тоже все будет хорошо.

— Конечно, мы на это надеемся, но... Сяо Ши, тетя тебе скажет, что Цинь Юй из-за дедушки уже давно не спал спокойно. Несколько дней назад, когда он что-то брал дома, он упал в обморок. Все были заняты заботой о дедушке и не заметили, а он очнулся сам и ничего нам не сказал, продолжая хлопотать вокруг дедушки. Если бы не то, что домработница случайно просмотрела записи с камер, мы бы об этом так и не узнали.

Мать Циня вздохнула, и ее глаза снова покраснели.

— В детстве он был таким неженкой, даже если его уколола колючка, он сразу бежал к нам, чтобы его пожалели. А сейчас, повзрослев, он стал рассказывать нам только о хорошем, а о плохом молчит. Сейчас дедушка в таком состоянии, и мы не можем допустить, чтобы с Цинь Юем что-то случилось. Мы заставили его пройти обследование, и врач сказал, что это из-за длительного недосыпа и переутомления. Мы спрашивали, не столкнулся ли он с какими-то трудностями на работе или в жизни, но он упрямо молчит. Сяо Ши, ты проводишь с ним много времени, я знаю, что ты тоже занят, но, пожалуйста, помоги мне, присматривай за ним, следи, чтобы он вовремя ложился спать. Если с ним что-то случится, тихонько сообщи нам, мы не скажем, что это ты рассказал.

С того момента, как Ши Чу вошел в палату, его внутренности сжимала неведомая боль, которая теперь достигла предела. Он даже боялся глубоко дышать, каждый вдох приносил резкую боль в сердце.

Он не мог сказать матери Циня, с чем столкнулся Цинь Юй, потому что, даже если бы они не расстались, он бы все равно не знал, что происходит. Даже о болезни дедушки Цинь Юй ему не сказал, все держал в себе.

— Раньше мы с его отцом думали, что Цинь Юй так и останется ребенком, но посмотри, как он изменился за эти несколько лет. Иногда я даже думаю, что лучше бы он оставался тем, кто всегда бежит к нам за утешением...

— Мама!

Голос Цинь Юя раздался в конце коридора, прерывая речь матери. Мать Циня, стоявшая к нему спиной, быстро вытерла слезы и сказала Ши Чу:

— Тогда я пойду проведаю отца Цинь Юя, а вы поговорите.

После того как мать Циня ушла, Цинь Юй несколько секунд молча смотрел на Ши Чу, затем произнес:

— Спасибо за помощь. Пойдем, я провожу тебя.

Ши Чу покачал головой:

— Дедушка явно хотел что-то сказать, но не успел. Позволь мне остаться здесь, чтобы завтра он мог закончить.

Он добавил, почти умоляюще:

— Хорошо?

— Не знаю, будет ли завтра возможность его навестить после операции.

— Тогда я подожду здесь, пока не появится возможность.

Цинь Юй нахмурился, глядя на него, и Ши Чу под этим взглядом почувствовал неловкость. Он отвел глаза и добавил:

— Это ради дедушки. Ты ведь тоже не хочешь, чтобы он остался с невысказанным.

Через некоторое время он услышал, как Цинь Юй сказал:

— Я отвезу тебя в ближайший отель, завтра, если что, сообщу.

Цинь Юй повернулся и пошел к лифту, проходя мимо Ши Чу. Тот сделал несколько шагов за ним и спросил:

— А ты?

— Я останусь здесь на ночь.

Ши Чу остановился:

— Тогда и я останусь.

Цинь Юй прошел несколько шагов, но, не услышав шагов сзади, обернулся и с легким раздражением в голосе сказал:

— Здесь негде спать, если останешься, придется сидеть в коридоре всю ночь.

Такой тон Ши Чу был знаком. Когда кто-то надоедал, Цинь Юй четко давал понять свое раздражение. Но в этот раз все было иначе — объектом его раздражения стал он сам.

Цинь Юй никогда, никогда не говорил с ним таким тоном.

Его оправдание, почему он хочет остаться, застряло в горле. Тон Цинь Юя был как внезапный ливень, окативший его с головы до ног и оставивший в растерянности.

Цинь Юй тоже заметил свой тон и, сжав губы, замолчал. В конце концов, это он попросил Ши Чу помочь, и, по всем канонам вежливости, он не должен был так разговаривать.

Между ними повисла неловкая пауза, и Цинь Юй первым нарушил молчание, смягчив тон:

— Пойдем, я тебя провожу...

Не дав ему закончить, Ши Чу резко прервал:

— Не надо, я сам дойду.

Цинь Юй заметил его настроение. Если бы это было раньше, он бы сразу спросил, что случилось. Но сейчас они расстались, и он был слишком измотан, чтобы вникать в его тонкие переживания. К тому же, прошлый опыт подсказывал, что, даже если он спросит, Ши Чу не расскажет, а только посчитает его назойливым.

Поэтому он не стал настаивать и просто сказал:

— Хорошо.

Ши Чу сам спустился на лифте. Когда он вышел из больницы, на него налетела маленькая девочка. Он подхватил ее, чтобы она не упала, и услышал, как ее родитель ругает:

— Сколько раз тебе говорить, смотри под ноги! Если будешь так делать, попадешь под машину, и я тебя спасать не буду!

Слова были слишком резкими, и девочка расплакалась. Ши Чу, держа ее за руку, опустился на корточки, чтобы успокоить.

Родитель подошел, сначала еще раз отругал девочку, затем извинился перед Ши Чу. Тот погладил девочку по голове и сказал:

— Ничего страшного, но в следующий раз будь осторожнее, чтобы не удариться, ладно?

Родитель взял девочку за руку и повел ее, но та упиралась, говоря, что этот братик добрый и терпеливый, и хочет идти с ним.

Прошло некоторое время, прежде чем девочку удалось уговорить уйти, но Ши Чу остался на месте, не двигаясь дальше.

С того момента, как он вышел из лифта, он все думал о том, как изменилось отношение к нему Цинь Юя. Но он не задумывался, сколько раз сам говорил с ним таким тоном?

Даже если он не хотел его обидеть, он привык так показывать, что не слишком привязан к отношениям. Но для Цинь Юя, вероятно, все было проще — он воспринимал это как настоящее раздражение.

Он мог проявлять огромную доброту к незнакомым людям, но, кажется, именно самых близких он ранил больше всего.

За пределами больницы была главная улица города, где уже зажглись фонари, и машины сновали туда-сюда. Ши Чу стоял и смотрел на поток машин, пока глаза не начали болеть, затем сделал два шага назад и повернул обратно.

Только Ши Чу спустился вниз, как Цинь Юя вызвал врача обсудить план лечения дедушки. Почти час он провел в кабинете врача. Не поев уже несколько часов, он чувствовал слабую боль в желудке, но у него не было времени на себя, так как нужно было решать множество вопросов.

Операция должна была закончиться скоро, и, когда Цинь Юй подошел к операционной, свет над дверью погас.

Родители первыми подошли к врачам. Медсестры вывезли каталку с дедушкой, а врач, идущий сзади, сказал родственникам:

— Операция прошла успешно. Если пациент проснется завтра, это будет признаком улучшения.

После того как дедушку отвезли в палату, Цинь Юй сказал родителям, что проводит их домой, а сам останется в больнице на ночь.

Родители сначала не соглашались, но после настойчивых уговоров Цинь Юя все же решили пойти домой отдохнуть, но отказались от его сопровождения, настаивая на том, чтобы поехать сами.

Цинь Юй не смог их переубедить и только еще раз напомнил:

— Папа, езжайте аккуратно. Вы тоже давно не спали нормально, отдохните дома. Если что-то случится, я сразу вам позвоню.

— Ты тоже не забывай о себе, не повторяй, как в прошлый раз, когда упал в обморок. Это так пугает. — Мать Циня, хоть и ворчала, но в ее глазах читалась забота.

<http://bllate.org/book/16893/1566469>